

Марина
СЕРОВА

Черно-белый
ЦВЕТОК

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Черно-белый цветок

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Черно-белый цветок / М. С. Серова — «Эксмо»,
2020 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-112387-1

Частный детектив Татьяна Иванова получила новый заказ: Павел Мещеряков, отец трехлетней Юли, просит найти девочку, пропавшую из детского сада. Возможно, ребенка похитили, однако требований о выкупе не поступало. Татьяне удалось узнать, что в тот день в садик приезжали артисты творческой студии «Цветик-семицветик». Под предлогом поиска работы Татьяна отправилась в студию и наконец вышла на след нужного человека...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112387-1

© Серова М. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Сергеевна Серова

Черно-белый цветок

© Серова М.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Девочка очень любила своих маму и папу. И совсем недавно они тоже очень ее любили. У девочки была уютная, светлая комната, и больше всего ей нравилось играть на кровати со своими игрушками. Их у нее было много: куклы, плюшевые мишки, зайчики, котята... Каждому из своих питомцев она давала имя, обо всех заботилась. Мама с папой тоже заботились о девочке, тоже играли с ней. Правда, в один прекрасный день все изменилось.

Здесь девочке совершенно не нравилось. Ей было скучно, одиноко и больше всего на свете хотелось поскорее вернуться домой. Она мечтала оказаться рядом с мамой и папой и не понимала, почему они так резко разлюбили ее. Она не знала, в чем была виновата, что сделала не так. Наверно, она плохая, поэтому мама с папой перестали ее любить...

– Почему ты грустишь? – услышала она вдруг чей-то голос.

Девочка подняла голову и посмотрела на незнакомку.

– Потому что папа с мамой меня не любят, – ответила девочка. – А кто вы такая?

– Я тетушка Мелодия, – странная особа улыбнулась, покружилась на месте, и ее пышное яркое платье закрутилось красивой волной. Девочка как замороженная смотрела на прекрасный наряд, тетушка Мелодия показалась ей принцессой из сказки.

– А хочешь, я подарю тебе шарик? – Откуда ни возьмись в руках у прелестной красавицы появился большой ярко-зеленый воздушный шар.

Девочка протянула руки к нему, радуясь неожиданному подарку. Добрая волшебница из сказочного мира хочет отдать ей замечательный, прекрасный шарик!

– Держи! – тетушка Мелодия легко подкинула шарик, и тот грациозно порхнул вверх.

– Какой он красивый! – девочка зачарованно смотрела, как шарик медленно опускается на землю.

– Это тебе подарок из моей волшебной страны! – пояснила фея. – Хочешь, я расскажу тебе о ней? Там много всего интересного!

Девочка кивнула.

– Я умею петь и танцевать, и в моей стране все поют и танцуют. И летают. Ты же хочешь тоже летать, петь и танцевать?

– Очень хочу... – прошептала девочка. – А вы покажете, как это делать?

– Конечно, покажу! – тетушка Мелодия звонко засмеялась. – И ты непременно научишься всему, чему захочешь! Пойдем со мной?

– Пойдем! – Неожиданно девочке стало грустно. – А мои мама и папа, как же они? – спросила она.

Тетушка Мелодия снова рассмеялась.

– Ну какие мама и папа? Мы ведь с тобой отправимся в волшебную страну, а взрослые туда попасть не могут! Если захочешь, ты, конечно, вернешься к своим маме и папе, но они снова отведут тебя сюда. А тебе же здесь скучно, правда?

– Очень скучно. Я не хочу сюда возвращаться!

– Пойдем скорее за мной. Ты никогда, никогда больше не вернешься сюда!..

Глава 1

На улице светило яркое, можно сказать, ослепительное солнце – даже глаза с непривычки заслезались. Даже не верилось, что вчера небо было затянуто тяжелыми тучами, а асфальт пятнали грязные лужи вперемешку с кучами подтаявшего снега. Эта весна в Тарасове была на редкость холодной и промозглой, зима явно не торопилась сдавать свои права. На календаре был конец апреля, но по погоде казалось, что сейчас только начало марта. И вот, пожалуйста, чистое голубое небо, солнечные зайчики на витринах магазина, и даже деревья не выглядят такими унылыми и голыми в отсутствие весенней листвы! Удивительно, как люди зависят от природы: отсутствие солнца приводит к затяжной хандре и апатии, но стоит только небу немного проясниться – и на лицах прохожих то и дело замечаешь улыбку, и весь город словно становится оживленным и радостным.

Аня что-то быстро говорила мне, но я не слушала девочку. Мы только что вышли из здания театра после дневного спектакля. Не скажу, что я, частный детектив Татьяна Иванова, считаю себя заядлым театралом, но сегодня у меня не было никаких дел, и я согласилась на просьбу своей давней приятельницы Ленки сводить ее племянницу Аню на представление. Ленка работала учителем французского языка в школе, и у нее совсем не было времени развлекать внезапно нагрянувшую в гости родственницу. Насколько мне было известно, Аня жила с родителями в поселке городского типа и в нашем Тарасове бывала не часто. Но ее мать, приходившаяся Ленке то ли двоюродной, то ли троюродной сестрой, была вынуждена приехать на неделю в наш город по работе и, чтобы не снимать квартиру, напросилась пожить у родственницы. Ленка согласилась, но сразу предупредила, что очень занята, и Ане придется либо сидеть целыми днями дома, либо мотаться с матерью по делам. Так и получилось, что три дня командировки девчонка тосковала в Ленкиной квартире, пока дочери приятельницы сидели на уроках. А вчера моя подруга испытала острое чувство жалости к подростку и купила билеты на утренний спектакль. Ленка сама собиралась сводить Аню в театр, так как в день представления работала во вторую смену, но неожиданно ее планы поменялись из-за срочного вызова на работу, и, чтобы не пропадали два билета, Ленка стала срочно обзванивать всех своих друзей и знакомых с просьбой сходить на культурное мероприятие. Мне она позволила, когда совсем отчаялась спасти билеты – еще бы, ведь был рабочий день, когда люди трудятся с восьми до пяти или шести часов, неудивительно, что никто не согласился прогулять работу. А у меня крайне непредсказуемый график: если я расследую дело, то свободного времени не имею вообще, до тех пор пока не поймаю преступника и не сдам его властям. Но сейчас я вынужденно бездействовала, поскольку около недели назад мастерски сложила очередную головоломку, злодеи получили по заслугам, а я – свой законный гонорар. С тех пор у меня не было ни одного клиента, и я попросту изнывала от тоски. Признаться, я и Ленкин звонок восприняла сперва как очередное дело – может, кто из знакомых приятельницы попал в затруднительное положение или самой Ленке потребовалась моя помощь. Помощь-то была ей и правда нужна, но совсем не та, о которой я мечтала. Но и отказывать я подруге не хотела: все равно я бездельничаю дома, почему бы не сводить Аню в театр? Тем более что билеты есть, приобретать их не надо...

Ане спектакль понравился, девочка ведь очень редко выбиралась на подобные мероприятия. А я ловила себя на мысли, что мне постоянно хочется достать мобильный и проверить: вдруг кто-то мне позвонил, а я не слышала? Вдруг наконец-то мне подвернется какое-нибудь интересное расследование? За скучные дела я давно не берусь: зачем тратить время и таланты на заурядные дела, с которыми легко справится даже новичок в сыском деле? Изобретательных преступников с каждым годом становится все меньше – то ли нация у нас глупеет, то ли я

их попросту всех посадила за решетку. Да, если так и дальше пойдет, гроза убийц, грабителей и шантажистов Татьяна Иванова рискует остаться не у дел...

Я намеревалась сразу отвезти Аню к Ленке домой – приятельница отдала мне свои ключи, так как собиралась пробыть в школе до вечера. Но девочка заявила, что она проголодалась и непременно хочет мороженого, поэтому мы зашли с ней в ближайшее кафе, где я купила Ане большую порцию фруктово-ягодного лакомства, а себе заказала чашечку крепкого эспresso. В конце концов, я пока не знала, чем мне занять время, а потому никуда не спешила. Мы чинно посидели с Аней за столиком, и около часа девчонка болтала, прерываясь только на еду. Я кивала, изредка произнося что-то вроде: «ну надо же!», «понятно», и делала вид, что внимательно слушаю свою собеседницу. Похоже, Аня и правда сильно тосковала в одиночестве, раз так откровенничала с едва знакомым человеком. Насколько я поняла, из школы девочке пришлось отпроситься, взяв домашнее задание, но, судя по Аниному монологу, учиться ей было скучно и неинтересно, больше всего Аня любила смотреть современные сериалы и слушать популярную музыку.

Я уже допила свою чашку эспresso, а Аня доела вторую порцию мороженого и явно намеревалась выпросить у меня добавку, как внезапно раздалась трель моего мобильного телефона. «Видимо, Ленка звонит, хочет спросить, привезла ли я племянницу к ней домой», – пронеслось у меня в голове. Я уже смирилась с мыслью о том, что пока ждешь звонка по работе, на него можно и не надеяться, потому вытаскила сотовый без лишних иллюзий. В деньгах я, по счастью, остро не нуждаюсь, работаю не только материальной выгоды ради. Мне просто-напросто скучно, а увлечений, помимо расследований, у меня, увы, не имеется...

Однако номер, с которого мне звонили, был незнакомый. Я сразу насторожилась – как хищник, почуявший запах добычи. Машинально нажала на кнопку ответа и поднесла трубку к уху.

– Слушаю, – постаралась, чтоб мой голос звучал сухо и равнодушно, как у делового человека, в ежедневнике которого все расписано по часам, минутам и секундам. И у которого совершенно нет свободного времени.

– Добрый день. Могу я поговорить с Татьяной Александровной Ивановой? – без всяких пауз произнес мужской голос. Я бы сказала, фраза звучала напряженно и торопливо, как будто незнакомец куда-то сильно спешил.

– Я вас внимательно слушаю, – повторила я. – Чем могу быть вам полезна? И как к вам обращаться?

– Меня зовут Павел Олегович Мещеряков, – представился мужчина. – Мне говорили, что вы – частный детектив и беретесь распутывать самые сложные дела, ведь верно?

– Именно так, – согласилась я. Краем глаза я заметила, что Аня внимательно наблюдает за мной – девочке не терпелось узнать, кто и зачем мне звонит. Как говорят, дети – самые любопытные в мире существа...

– По телефону говорить неудобно, – заявил Павел Олегович. – Скажите, у вас будет время, чтобы встретиться со мной? Дело не терпит отлагательств, если вы не согласитесь помочь, то не знаю, куда обращаться. Честно говоря, я впервые в такой ситуации, услугами частных детективов мне пользоваться еще не приходилось...

– Все когда-то случается в первый раз, – философски заметила я. – У меня сегодня есть свободное время, поэтому я готова побеседовать с вами по поводу вашей проблемы.

– Отлично, я как раз взял отгул на сегодня! Прошу прощения за вопрос, вам где удобно беседовать?

– Смотря какое у вас ко мне дело, – сказала я. – Мне не составит никакого труда подъехать туда, где вы хотите со мной пообщаться. Скажите только адрес...

– Думаю, лучше, если вы приедете ко мне домой, – немного помедлив, произнес Мещеряков. – Я живу на Разина, 14, квартира 32. Скажите, в котором часу вы можете подъехать?

Я прикинула в уме, сколько времени займет дорога до Ленкиного дома – не могу же я бросить Аню в кафе! В отсутствие пробок это займет минут пятнадцать, не больше. Улица Разина в центре города, поэтому я сообщила Павлу Олеговичу:

– Через час, может, и меньше, я буду у вас.

– Хорошо, – лаконично произнес Мещеряков. – Тогда я буду ждать вашего визита. Если заблудитесь, звоните по этому номеру.

И, не прибавив ничего больше, мужчина отключился. Я тоже нажала на сброс сигнала и положила мобильный в сумку.

Аня вопросительно смотрела на меня. Я улыбнулась девчонке и проговорила:

– Ну что, Анют, давай я тебя подброшу до дома. Скучать не будешь?

Девочка уныло насупилась, а потом пожала плечами.

– Да кому какая разница? – бросила она. – Мама на работе, а тетины дочки со мной не общаются. Буду телик смотреть, что еще делать...

– А уроки? – включила я «правильную мамашу». – Отстать по программе не боишься?

– Не-а, – протянула Аня. – В школе скучотища, и учебники дурацкие. Лучше уж телик смотреть...

Я не стала настаивать на своем. Мы встали со стульев, оделись и направились к моей машине.

Дом Мещерякова находился в центре города, как я уже говорила, и найти нужный адрес мне не составило никакого труда. Обычная девятиэтажка с несколькими подъездами, этакая невзрачная «коробка» посреди других жилых домов и сетевых магазинов. Неподалеку находился большой книжный универмаг, с ним соседствовали аптеки. Одним словом, все необходимое в двух шагах от дома, очень удобное расположение.

Я подошла ко второму подъезду и нажала на номер квартиры – тридцать два. Домофон несколько раз протяжно пропищал, а потом дверь открыли. Похоже, кроме меня, Мещеряков гостей не ждал...

Я вызвала лифт, поднялась на второй этаж. Дверь квартиры уже была открыта, и я увидела высокого мужчину лет тридцати пяти – тридцати семи, худощавого телосложения, с очень длинными руками и ногами. Выглядело это весьма комично и несуразно – интересно посмотреть, как человек такой комплекции садится в низкое кресло. Наверняка ему приходится едва ли не складываться пополам...

Одет был Мещеряков (сомневаюсь, что дверь мне открыл кто-то другой) в обычные джинсы и черную футболку с названием какой-то тяжелой рок-группы. Вещь, судя по всему, старая, домашняя, никуда больше ее не наденешь. Интересно, чем этот человек занимается по жизни? Внешность для музыканта как нельзя более подходящая, не хватает только длинных черных волос да банданы на голове. Но стрижка у Павла Олеговича была весьма стильная, можно сказать, строгая. Да, прическа как-то не вязалась с его манерой одеваться...

Словно прочитав мои мысли, Мещеряков кивнул мне и проговорил:

– Татьяна Александровна? Вы уж извините меня за такой внешний вид, просто у меня голова кругом идет. Оля с самого утра рыдает не переставая, я два раза в аптеку бегал за успокоительными, пришлось ей снотворное дать, чтобы она хоть уснула. Вы не возражаете, если мы на кухне поговорим? Боюсь ее разбудить...

– Где вам угодно, – заверила я Павла Олеговича, входя в коридор. Судя по светлой, просторной прихожей, квартира у Мещерякова большая, возможно, недавно здесь был ремонт. Интересно, а Оля – это его жена? Наверняка жена, ну, или девушка. Что же за горе постигло семью Мещеряковых?..

Павел Олегович галантно помог мне снять куртку и повесил ее на вешалку. Затем жестом пригласил меня следовать за ним.

Мы прошли по неожиданно длинному коридору в светлую кухню. Я быстро осмотрела помещение. Простые обои приятного бежевого цвета создавали ощущение тепла и уюта, все кухонные шкафы буквально сверкали чистотой, а к плите, похоже, никто не прикасался – настолько она была белая, точно купленная только что. Может, Мещеряковы питаются в кафе и ресторанах, а кухня служит для дружеских бесед и семейного времяпрепровождения? Павел Олегович выдвинул мне стул, а потом спросил:

– Хотите чаю или кофе? Я сейчас вскипячу чайник. Извините, не знаю, чем вас угостить, ввиду последних событий как-то не до готовки... Да и вообще, Оля готовить не любит, поэтому мы ужинаем вместе в ресторане. Но кофе дома есть, будете?

Я кивнула. Похоже, я оказалась права, кухню и правда не использовали по назначению. Павел Олегович включил электрический чайник, а потом предусмотрительно закрыл дверь – чтобы звук не разбудил незнакомую мне Олю. Я посмотрела на Мещерякова, а потом проговорила:

– Насколько я понимаю, у вас возникла трудная жизненная ситуация, и вы обратились ко мне за помощью.

– Да, увы, – кивнул головой Мещеряков. – Даже не знаю, с чего начать... Точнее, у нас с Олей есть дочь – Юля. Она маленькая, всего три годика... В июне ей четыре исполнится... Юлю мы совсем недавно в детский садик стали водить, до этого Оля с ней сидела. Но я целыми днями работаю, иногда и выходных не бывает, а Оля решила тоже выйти работать – в салон красоты. У нее такая мечта еще со школы была, я помог ей. Да, Оля – это моя жена. Мы с ней познакомились четыре года назад, на концерте рок-группы. Такое вот стечение обстоятельств... Я музыкой давно увлекался, в студенческие годы даже в группе играл на бас-гитаре, ну это так, по молодости. Сами знаете, люди и не такие глупости делают, когда семьи своей нет и кажется, что можно вытворять что угодно. Сейчас-то я и думать забыл обо всей этой ерунде, тот концерт, где мы с Олей встретились, был последним в моей жизни. И футболка оттуда, вот дома ношу ее. Ностальгия...

– Вы говорили про дочь, – прервала я поток воспоминаний, про себя уже догадываясь, какая беда приключилась с Павлом Олеговичем и его женой. – А где Юля сейчас?

– В том-то и дело, что Юля пропала! – воскликнул в сердцах Мещеряков. Словно вторя ему, электрический чайник засвистел и выключился. Павел Олегович не обратил на это никакого внимания.

– Юля только в садик ходит, и то – туда ее отвожу либо я, либо Оля, ну и забираем дочку после работы, кто раньше освободится... Воспитатели в садике хорошие, опытные, они за детьми следят. Даже на прогулке за территорию садика дети выйти не могут, и я ума не приложу, куда мог деться ребенок! Мы и в полицию обращались – а толку-то! Говорят – раз похитили девочку, значит, выкуп потребуют. Мол, если что – сразу сообщайте. Да полиция в нашем городе совсем ничего сделать не может, беспредел просто! Что они – только составили объявление, мол, пропала Юля Мещерякова, ну и описание... Да я и сам мог такое написать, полиция должна разыскивать ребенка, а не говорить – «держите нас в курсе дела»! Мне еще помогло, что коллега с работы посоветовал нанять частного детектива и ваши координаты дал. Вроде вы ему помогли в какой-то деликатной ситуации, может, помните, Кочеврягин Алексей Федорович? Он не говорил, что у него за дело было, да я и не спрашивал. Просто сказал, что вы быстро распутали загадку, и все...

– Ну, у меня много клиентов было, всех и не упомнишь, – пожала я плечами. – А про полицию зря вы так говорите. У меня есть знакомые, которые в органах работают, и не скажу, что они плохо выполняют свою работу. Про выкуп они все верно сказали – зачастую детей похищают только для того, чтоб стребовать с родителей крупную сумму денег. Вам, насколько я понимаю, пока не звонили неизвестные?

– Нет, – развел руками Павел Олегович. – Если б звонили, было б хоть ясно... От Юли – ни слуху, ни духу, жена от горя совсем помешалась. Представляете, на полном серьезе утверждает, что Юлю какие-то потусторонние силы похитили. Боюсь, если дочку не найдем, Оля окажется в психиатрической клинике... На вас одна надежда...

– Интересно... – протянула я. – Когда пропала Юля?

– Позавчера, в понедельник, – тут же ответил Мещеряков. – Вечером Оля пришла забирать дочь, а ее в садике нет! Спрашивала воспитателей, кто приходил за Юлей, они говорят, никто не приходил, родители детей еще не забирали. Думали сначала, что девочку кто-то из ребят обидел и она спряталась в садике, но все обыскали, нигде не нашли. Оля сразу мне позволила, мы обыскали все окрестности, подняли на уши всех... Но никто не видел маленькую девочку, воспитатели клянутся, что Юля не могла покинуть детский сад... Я сразу в полицию обратился, а они ждать велели. Пообещали, что будут вести розыски, ну и где результат? Вчера целый день прошел, а никаких подвижек! Пришлось на работу ехать – ну не могу я так запросто взять и не прийти, не предупредив никого. Но только приехал, Оля мне звонить стала, плохо ей. Коллегу попросил подменить меня, сказал, в чем дело, а он мне посоветовал частного детектива нанять. Дал ваши координаты. Я вчера хотел вам позвонить, но сперва надо было с женой посоветоваться. Приехал – а у нее истерика, на нервной почве температура поднялась, она даже в обморок упала. Сами понимаете – пришлось врача вызывать, от госпитализации жена отказалась, и я весь день по аптекам пробегал да Олю в чувство приводил. Она сперва почему-то про частного детектива и слышать ничего не хотела – все на полицию надеялась. Я решил с ней утром поговорить, когда она немного получше себя чувствовать будет. Вот сегодня снова стал ее уговаривать к частному детективу обратиться, пообещал, что Юлю непременно найдут. А она снова в истерику... Вот, кое-как ее заставил снотворное да успокоительное выпить и вам позвонил.

– Как я понимаю, с вашей женой сейчас поговорить не удастся? – уточнила я. Павел Олегович развел руками.

– Она спит, к счастью. Да и зачем, я могу вам ответить на все ваши вопросы по поводу дочки.

– Вы говорили, что Юля ходит в детский садик, – проговорила я. – Что это за садик?

– Он рядом с домом находится, – пояснил Мещеряков. – Мы и выбрали его поэтому – чтобы недалеко было. Оля же захотела работать, скучно ей дома стало сидеть. А я, сами понимаете, все время занят. Жена ведь баловства ради затеяла все это с салоном красоты, много там не заработаешь. Да и сказать по правде, специалист она не первого класса. Так, для себя что-то пытается делать, и то знакомым только. Она начинала на курсы парикмахерского искусства ходить, но из-за беременности и рождения ребенка бросила. Я тогда как раз в командировке был, когда она рожала. И кстати, хорошо, что уехать пришлось. Уж не знаю, как в других семьях, но для меня Олина беременность в кошмар превратилась. Она нервная ходила, со мной совсем не общалась, хотя знала, как я к детям отношусь. Понимаете, я считаю, что настоящий мужчина должен свою семью создать, ребенка воспитать. Конечно, я хотел всегда сына, но раз родилась дочь – значит, так надо. В конце концов, какая разница – мальчик или девочка. Главное, продолжение рода, и я готов на все ради жены и дочери. В них – мой смысл жизни. Наверно, старомодно звучит, но уж такой я человек, ничего не поделаешь...

– По-моему, ничего плохого в таком подходе нет, – пожала я плечами. – Наоборот, взять на себя ответственность за судьбу своей семьи весьма достойно. Скажите адрес детского садика, куда вы водили Юлю. Мне надо допросить воспитателей, сами понимаете.

– Детский садик номер сто семь, на улице Гоголя, семнадцать. Это если спуститься от нашего дома вниз и пройти один квартал, там пересечение с улицей Гоголя. Детский сад почти на углу, да вы сразу увидите его. Там светло-зеленый забор и детская площадка на территории.

Сам садик небольшой, и, несмотря на то что располагается в центре города, шум до него не доносится. Проезжая часть далеко, а улица Гоголя маленькая и тихая.

– Хорошо, я поняла, – кивнула я. – Вы знаете, как зовут воспитателя Юлиной группы? Вообще, ваша дочка дружит с кем-нибудь из других ребят?

– Да она же маленькая совсем! – удивился Павел Олегович. – Маленькие дети, они, наверно, со всеми сверстниками играют...

Ясно, подумала я про себя. Похоже, о Юле мне больше может рассказать ее мать. Мещеряков хоть и любит свою дочь, но явно принимает мало участия в ее воспитании. Жаль только, что Ольга сейчас не сможет ответить на мои вопросы...

– Ну а как зовут воспитателя, сказать можете? – продолжила я свои расспросы.

– Ой, кажется, Любовь Сергеевна... – замешкался Павел Олегович. – Или Степановна... Что-то такое. Фамилию помню, Кручковская. Это точно, а вот отчество запомнил... Я один раз ее видел, такая солидная женщина, сразу видно, очень опытная. В основном Оля с воспитателями общалась, я же постоянно на работе пропадаю...

– И ваша жена тоже сейчас работает, – тихо произнесла я. – Наверно, ваша супруга – образцовая хозяйка, раз успевает все. И по дому, и в салоне красоты...

– Что вы, Оля совершенно не умеет и не любит готовить! – усмехнулся Мещеряков. – Еще когда мы только начали жить вместе, она пыталась удивить меня обедом... Только ее кулинарные старания едва не обернулись катастрофой. Мало того, она едва не спалила микроволновку – поставила туда готовиться пиццу аж на сорок минут! Ладно, угольки да разбитую тарелку мы выбросили, но вот микроволновку пришлось в ремонт отдавать. Она так расстроилась, Оля моя, когда решила сделать салат, так порезала себе палец. С тех пор я попросил ее больше не готовить... А то страшно – уйду на работу, а приеду, и вместо дома – пепелище.

– Надо же! – изумилась я. – Но у вас такая чистота... Наверно, Оля любит наводить дома порядок?

– Да нет же, сейчас она вообще по дому ничего не делает. Это моя мама – она приезжает пару раз в неделю и помогает Оле с хозяйством. Мама у меня человек щепетильный, она вечно хочет нам чем-нибудь помочь, хотя я и просил ее лишний раз Олю не беспокоить. Они раньше с женой не могли общий язык найти – Оля маме не очень понравилась, она все говорила, что мечтала для меня о лучшей супруге. Но с рождением Юли все изменилось – мама души не чает в ребенке, всегда внучку балует... И Олю, мне кажется, наконец-то приняла...

– Когда в последний раз у вас была ваша мама? – заинтересовалась я.

Павел Олегович ответил сразу же:

– В выходные. Я стараюсь, чтобы она приезжала, когда я дома. Так, на всякий случай. Мама ведь у меня почти всю свою жизнь учителем проработала, и это у нее в крови – поучать всех, говорить, как надо делать. И мало кто ее нравования выдерживает. При мне мама держит себя в руках, а вот если она с Олей наедине остается – так начинается. И дома беспорядок, и внучку не так надо воспитывать, и детский садик маме почему-то не нравится... Вроде не надо ребенка в сад отдавать, дома пусть лучше сидит, раз отец работает, значит, мать должна заботиться о дочке. Мама очень рассердилась, когда узнала, что Оля на работу вышла. Вроде как она свой материнский долг не выполняет, ерунда какая-то. Сейчас многие молодые матери работают, и ничего в этом такого нет. Моей-то зарплаты пока нам хватает, но раз Оля хочет самореализоваться, найти себе дело, то я только поддерживаю ее. Но всего этого маме не объяснишь, к моему великому сожалению...

– А ваша мама знает о том, что Юля пропала? – задала я очередной вопрос. Павел Олегович отрицательно покачал головой.

– К счастью, пока нет. Вы представляете, какой скандал будет, если мама об этом узнает? Да она же Олю со света сживет! Сразу припомнит, что была против детского сада, да и вообще будет попрекать жену, что она стала работать в салоне красоты, хотя в этом никакой надобности

нет. А Оля и так близка к помешательству, если еще и мама начнет ее обвинять в пропаже Юли, боюсь, жена этого не выдержит. Я даже не знаю, что говорить маме – вдруг она решит к нам приехать помочь по дому? Уже думал наврать, что жена с дочкой уехали на курорт, хотя это и неправдоподобно. И потом, мама решит, что мне точно надо помочь – нагрянет с каким-нибудь борщом и домашними блинчиками. Может, вы посоветуете, что маме сказать, а? – он с надеждой посмотрел на меня. – Чтобы она не травила Олю...

– Мое дело – это распутывать преступления, а не придумывать, что соврать родителям, – довольно жестко заметила я. – А с вашей мамой я хотела бы побеседовать. Судя по вашему рассказу, мама помогала убираться в выходные?

– В воскресенье, – уточнил Павел Олегович. – Наверное, вы правы... Буду думать сам, что говорить ей... А зачем вы хотите пообщаться с моей матерью?

– Как-то странно получается – в воскресенье ваша мама была у вас дома, а на следующий день бесследно исчезает ее внучка. Вот я и хочу прояснить ситуацию. Вы ведь меня нанимаете для того, чтобы я как можно скорее нашла Юлю?

– Конечно, – кивнул Мещеряков. – Но неужели вы думаете, что мама... что мама похитила Юлю? Да и как она могла это сделать, если воспитатели утверждают, что за Юлей никто не приходил?

– Пока у меня нет доказательств, я никого не обвиняю, – произнесла я. – Но подозреваю всех. Такова уж специфика моей работы. Поэтому буду вам очень признательна, если вы скажете, как зовут вашу маму, и сообщите ее контактную информацию. Адрес, номер телефона, место работы, если она сейчас все еще работает.

– Паспортные данные ее сообщить не могу, номер и серию не помню, – попытался пошутить Павел Олегович, но шутка получилась какая-то нелепая, и он виновато пробормотал:

– Вы извините, чушь какую-то говорю... Маму зовут Анна Петровна Мещерякова, сейчас она не работает в школе, а иногда дает частные уроки. Ну, репетиторством занимается. Хотя она может себе позволить не работать вообще – мой отец работал в транснациональной энергетической компании, сами понимаете, заработки там неплохие. Пять лет назад он умер – большая печень, спасти его не удалось. Но у матери остались солидные накопления, и она может безбедно существовать всю оставшуюся жизнь. Отец и мне помог устроиться в свою компанию, правда, должность у меня пока невысокая, но радует перспектива карьерного роста. Мама живет в квартире отца – это на Чайниковской улице, недалеко от набережной.

– От вас далековато, – прикинула я. – Ваша мама не хотела переехать поближе к вам?

– К счастью, нет, – вздохнул Мещеряков. – Понимаете, мама после смерти отца очень изменилась. Сперва, понятно, она очень горевала, даже жить не хотела. Вечно в апатии сидела, ни с кем не общалась. Я тогда уже отдельно от родителей жил, но собирался всерьез к матери переезжать, чтобы поддерживать ее. Разрывался между ней и работой – не подумайте ничего такого, она мне не названивала, наоборот, я ей первый звонил. Она и преподавание бросила, ничего не хотела. А потом как-то все странно вышло – приезжаю к ней домой, а она в спортивной форме. Представляете? Мама, которой за шестьдесят и которая в жизни тренировочных штанов не носила, а на физкультуру разве что в школе ходила! А тут такое... Я сперва подумал, что она умом тронулась. Так нет, улыбнулась мне, за стол позвала. И рассказывает, что только с прогулки пришла – оказывается, у нее соседка примерно ее возраста скандинавской ходьбой занимается. А маме в магазин понадобилось, и она увидела, как эта тетка мимо с палками бодренько топает. Ну мама почему-то с ней заговорила, и выяснилось, что у соседки тоже горе в семье было, сын по наклонной дорожке пошел. Вот она, чтобы отвлечься, и решила чем-то заняться, а скандинавская ходьба для здоровья полезна. С тех пор мама с ней километры и наматывает, костюмчик себе прикупила и вполне довольна собой и жизнью. Жаль только, что спорт характер сильно не меняет – как привыкла моя мама нравоучения да проповеди свои читать, так от этого и не откажется никак... А на набережной множество таких физкультур-

ников гуляют по утрам. Я, конечно, за маму порадовался, вздохнул с облегчением. Потом вот с Олей встретился, долго о своей девушке маме не говорил. Представляете, я до сих пор не понимаю, как я на том концерте оказался. Выходной неожиданно выдался, вот и подумал – чем черт не шутит, вспомню молодость. Как оказалось, судьбоносным тот концерт оказался...

– Значит, из-за своего увлечения ваша мама не переезжает никуда, – попытожила я. Мещеряков согласно кивнул. – И несмотря на все свои увлечения, она активно вмешивается в вашу с супругой жизнь...

– Что есть, то есть... – вздохнул Павел Олегович. – Да я уже привык давно. Наверно, мать, которая спокойно относится к семье своего сына или дочери, редкое исключение... Они же, матери, считают, что гораздо умнее и опытнее своих детей, а потому лучше знают, кто и что им подходит.

– А ваша жена, Оля, она с кем общается? – поинтересовалась я. – Вы знакомы с ее родными, друзьями?

– Оля сама не из Тарасова, – проговорил Мещеряков. – Она из Ершова, там ее родители и живут. Но Оля к ним не ездит – говорит, что у нее с ними не особо хорошие отношения и в родном городе ей не рады. Она давно переехала в Тарасов, чтоб учиться и работать, и о Ершове предпочитает не вспоминать. Подруг у нее тоже нет – она не слишком общительный человек, на тот концерт тоже попала случайно. Как она рассказывала, концерты не любит, но это была ее любимая группа еще со школы, вот и решила сходить. Оля, она несколько не от мира сего – знаете, увлекается классикой, что сейчас редко. Мы с ней когда впервые встретились, я подумал, что девчонка вообще с луны свалилась – в наши дни парни да девушки только в телефонах сидят да сериалы смотрят, ну в игры играют. А Оля – мало того что учится на филологическом, ходит с кнопочным телефоном и совершенно не разбирается в компьютерах. Ну то есть не умеет пользоваться ими. В сумке – то увесистый том Шекспира, то роман Тургенева, попсовую музыку ни за что слушать не будет, а еще ей очень нравится все французское. Она потому в салоне красоты и захотела работать, ей это вроде как Францию напоминает. Все хотел ее с Юлькой в Париж свозить – как только в отпуск удастся выбраться, да вот видите, как все вышло... Сейчас какая уж Франция...

– И выкуп у вас за Юлю пока не потребовали, – снова прервала я Павла Олеговича.

Он согласно кивнул.

– Я понимаю, почему вы это говорите. Ну, я солидно зарабатываю, у мамы – накопления, значит, и похитили мою дочь, чтобы стребовать денег. Но ведь обычно похититель сразу звонит, верно? И говорит, что если обратиться в полицию – будут... будут высылать... Тьфу, черт...

– Успокойтесь, – произнесла я. – Я возьмусь расследовать ваше дело. Конечно, очень странно, что Юлю похитили и не потребовали от вас никаких денег за ее возвращение. Значит, дело не в выкупе... Если, конечно, похититель не объявится в ближайшие дни. Но вы правы, на обычное похищение это не похоже, деньги требуют сразу, пока родители ребенка не успели привлечь к его поискам полицию.

– Да я ума не приложу, кто и зачем мог похитить Юлю! – в сердцах воскликнул Мещеряков. – Ну кому, кому это нужно? Врагов ни у меня, ни у Оли нет, завистников вроде тоже... Заклятых друзей у нас не водится, кто из зависти мог повернуть такое... Может, Юля как-то вышла из садика и заблудилась? Но тогда почему никто ее не видел? Я ведь всех жителей окрестных домов опросил, кто-то должен был заметить маленького ребенка без взрослых! Но никто Юлю не видел, понимаете? Она исчезла, как... как дым!

– Ни один человек исчезнуть не может, – произнесла я. – И я сделаю все возможное, чтобы найти Юлю. Держите меня в курсе дела – я имею в виду не только звонки с неизвестных номеров. Если заметите что-то странное в поведении коллег, знакомых, родных – обо всем

немедленно сообщайте мне! Возможно, что-то вам покажется ерундой, но обычно самые нелепые случайности ведут к разгадке запутанного дела.

– Да, я понял, – кивнул Мещеряков. – По поводу ваших расценок ничего не изменилось? Все, как сказал мне Кочеврягин, мой коллега? – Мужчина озвучил сумму.

Я кивнула.

– Хорошо, – сказал он. – Вы только тоже сообщайте мне, как продвигается расследование... А то боюсь, Оля скоро окажется в больнице на почве нервного срыва, а я понятия не имею, как ее успокоить...

– Конечно, – кивнула я.

Павел Олегович вдруг пристально посмотрел на меня.

– И... если будете общаться с моей мамой, постарайтесь, пожалуйста, не говорить ей про то, что Юля пропала! А то если она еще будет донимать Олю, то...

– Я вас прекрасно поняла, – я встала со стула. – Что ж, думаю, мне пора идти – если что-то вспомните, наберите мой номер в любое время дня и ночи.

– Хорошо, непременно, – пообещал Мещеряков и тоже встал со своего стула, чтобы меня проводить. Посмотрел на чайник, который давно уже закипел и выключился, и запоздало заметил:

– Татьяна Александровна, я же так и не налил вам кофе...

Глава 2

Выйдя на улицу, я в задумчивости присела на лавочку неподалеку от места, где оставила свою машину, достала пачку сигарет и закурила. В последнее время я старалась дымить пореже, особенно когда у меня не было никаких расследований, однако сейчас хотелось все хорошенько обдумать и наметить для себя план действий. Итак, что у нас имеется? Пропадает маленькая девочка, которая живет с матерью и отцом и никуда, помимо детского сада, не ходит. Судя по рассказу Павла Олеговича, семья живет замкнуто, посещает супругов с ребенком только мать Мещерякова. Еще один весомый факт – отец семейства прилично зарабатывает, что наталкивает на мысль о похищении ради выкупа. Но то ли преступник оказался немного заторможенным, раз сразу не позвонил с конкретными требованиями, то ли деньги его не интересуют – полиция уже подключена, Юлю разыскивают. Может, в городе объявился маньяк, ворующий маленьких детей? Но если бы такое произошло, были бы и другие исчезновения. А следовательно, и трупы, о чем я не могла бы не узнать. Или же извращенец только начал свою преступную карьеру, и Юля – его первая жертва?..

Итак, вариантов дальнейших действий у меня немного. Первое – нужно нанести визит в детский сад, куда ходила Юля, а потом – поговорить с матерью Павла Олеговича. Я решила убить двух зайцев одновременно – по дороге в детский садик набрала номер, который дал мне Мещеряков, с целью договориться с Анной Петровной о встрече.

Трубку взяли сразу. Я услышала весьма бодрый женский голос неопределенного возраста. Моей собеседнице могло быть и сорок лет, и пятьдесят, и шестьдесят, точно не скажешь.

– Слушаю, – проговорила женщина.

Я вежливо поздоровалась и сразу перешла к делу:

– Скажите, мне нужна Анна Петровна Мещерякова, мне правильно дали номер телефона?

– Да, все верно, – подтвердила мать Павла Олеговича. – А вы... с кем я имею честь говорить?

– Меня зовут Татьяна, и я слышала, вы занимаетесь репетиторством, – про себя я вспомнила, что даже не спросила, какой предмет вела в школе Анна Петровна. Мысленно поругав себя за такую оплошность, решила выведать эту информацию у самой учительницы. К счастью, удалось это без всяких трудностей.

– Какой возраст ребенка? Вы по алгебре или геометрии хотите занятия? Для экзаменов или общий уровень?

– Мой племянник учится в седьмом классе, – на ходу сочиняла я. – И у него большие проблемы с математикой, а так как живет он временно у меня, то мне хотелось бы подтянуть его по этому предмету. Мне говорили о вас как об очень хорошем преподавателе, и я хочу, чтобы вы помогли Коле. Скажите, можно ли к вам приехать и побеседовать лично?

– Да вы приезжайте сразу с племянником! – заявила Анна Петровна.

Ага, где я ей возьму тринадцатилетнего парня, который согласится играть роль только что придуманного мною Николая... Вслух же я сказала совершенно другое:

– Вы понимаете, Коля очень стеснительный мальчик, его трудно уговорить сразу так приехать... Я бы сперва хотела с вами пообщаться, рассказать о Коленьке, а вы уж решите, как его учить... Можно так, а? Пожалуйста! Он у моей сестры единственный сын, ее гордость, и я очень хочу ей помочь! Вы – моя единственная надежда!

Получилось, конечно, чересчур эмоционально и наигранно, но я не боялась переборщить. Мой расчет заключался в том, что Анна Петровна отнесется с пониманием к моей легенде – ведь у нее самой единственный сын, а потому есть надежда заставить Мещерякову разоткро-

венничаться. Удался мой хитроумный план или нет, я не поняла – Анна Петровна не стала комментировать мой монолог, а всего лишь назвала свой адрес и спросила:

– Вы сегодня можете приехать? Я вечером буду дома.

– Да, естественно! Вас устроит, если я подъеду часам к пяти?

– Хорошо, приезжайте. Я живу на улице Чайниковской, дом семнадцать, квартира сто пять. – И Мещерякова без всяких «до свидания» и «до встречи» положила трубку.

Я сверилась с адресом детского садика, куда Мещеряковы водили дочку. Спустившись, как и советовал Павел Олегович, вниз по улице, я дошла до пересечения с улицей Гоголя. И правда улочка оказалась тихой, явно не проезжей, машин я здесь не заметила. В основном она была предназначена для пешеходов. Садик находился неподалеку – я сразу увидела нежно-салатовый забор и детскую площадку. Судя по всему, сейчас у детей как раз был тихий час. Я нажала на кнопку звонка, и звонкий женский голос поинтересовался у меня, кто я и какова цель моего визита.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, – представилась я. – Хочу поговорить с заведующей, у меня маленькая дочка, и я хочу отдать ее в детский сад.

– Проходите, я сообщу Наталье Сергеевне, – без всяких вопросов ответила женщина.

Я открыла дверь и вошла на территорию садика.

Здание детского сада № 107 было одноэтажным. На двери значилась табличка с номером сада и нарисованным желтым солнышком с улыбающейся мордочкой, больше похожей на кошачью. Похоже, рисовал эмблему кто-то из воспитателей, не отличающийся художественным талантом. Я подошла к двери и слегка толкнула ее.

Вестибюль садика оказался тоже небольшим – повсюду стояли шкафчики с номерами и скамейки. Я в замешательстве остановилась на пороге, не зная, в какую сторону мне идти. На мое счастье, в прихожую вышла невысокая женщина, немного полноватая, вся какая-то домашняя и уютная. Она была одета в светло-розовый свитер и черную юбку, волосы забраны в аккуратный пучок. На вид ей было лет сорок с небольшим. При виде меня она улыбнулась и проговорила:

– Вы к Наталье Сергеевне?

– Я к заведующей, – уточнила я.

Женщина явно смутилась.

– Видите ли... Заведующая временно... В общем, Зоя Викторовна сейчас в отпуске, и ее обязанности временно исполняет Наталья Сергеевна. Это старший воспитатель. Может, она вам что-нибудь подскажет.

Воспитательница обернулась по сторонам, словно боялась, что ее кто-нибудь услышит. Довольно странно, хотя я отлично понимала причину ее замешательства.

– Пройдете за мной, только постарайтесь ступать потише. Дети спят, у нас тихий час...

На всякий случай я постаралась запомнить, как зовут отстраненную от служебных обязанностей заведующую – Зоя Викторовна. Как знать, может, пригодится.

Пока я шла за встретившей меня женщиной, которую я приняла за воспитательницу одной из групп, меня не покидало ощущение, что я попала в какой-то кукольный домик. Все здесь, включая мебель и стены, казалось игрушечным и ненастоящим. Возможно, таким и должен быть детский садик – ведь это не школа, здесь дети должны чувствовать себя комфортно и уютно, как если бы находились у себя дома. Но все равно было как-то странно и непривычно – наверно, так же себя чувствовал Гулливер, попавший в страну лилипутов.

Женщина привела меня к двери, над которой висела табличка «Кабинет заведующей». Тихо постучала и открыла дверь, пропуская меня в светлый кабинет, где за столом с компьютером сидела женщина лет пятидесяти. В отличие от моей провожатой она не производила впечатления мягкой и добродушной. Напротив, заместитель заведующей выглядела строго, я

бы сказала, чопорно. Она подняла голову и пристально посмотрела, словно осуждая меня за что-то. Худое морщинистое лицо, очки в черной оправе, плотно сжатые губы – ни дать ни взять суровая директриса интерната для проблемных детей.

– Слушаю вас, – без всяких приветствий проговорила женщина. Голос у нее тоже был резкий и неприятный, под стать внешности. Я улыбнулась, нахально уселась на стул напротив стола заведующей и вежливо проговорила:

– Добрый день. Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, и я подыскиваю садик для своей дочки. Моя хорошая знакомая, Ольга Мещерякова, очень хорошо отзывалась о вашем садике, поэтому я решила отдать свою Наденьку именно в ваш детский сад.

– Сколько лет ребенку? – бесстрастно спросила Наталья Сергеевна.

– Три годика, скоро исполнится четыре, – снова растянула я губы в улыбке. – Наденька очень дружит с Юлей Мещеряковой, поэтому я бы хотела, чтобы девочки ходили в детский садик вместе, в одну группу. Можно так устроить?

– В нашем детском саду действует электронная очередь, – заявила моя собеседница. – Вы зарегистрировались в очереди?

– Нет... – растерянно пробормотала я. – Не знала о такой...

– Если вы хотите, чтобы ваш ребенок поступил в наш сад с первого сентября этого года, вам необходимо пройти регистрацию, – без всяких пауз проговорила Наталья Сергеевна. – Зарегистрируетесь на портале государственных и муниципальных услуг Тарасова, заполните заявление, укажете свои данные и данные ребенка. После этого вам будет приходиться информация о том, на каком вы сейчас месте и как продвигается ваша очередь.

– Но я хотела отдать дочку в садик этой весной! – заявила я. – Ольга мне не говорила, что она где-то регистрировалась, я думала, она просто пришла и записала дочку в детский сад!

– Уважаемая Татьяна Александровна, – произнесла заведующая твердым голосом. – Мы живем не в каменном веке, сейчас все решается через электронные очереди! Если у вас имеется доступ в интернет, сперва ознакомьтесь с правилами приема ребенка в дошкольное учреждение, а потом, когда наступит ваша очередь, приходите! Думаю, я ответила на все ваши вопросы!

Мне захотелось сказать что-нибудь колкое и язвительное в ответ, но портить отношения с заведующей в мои планы совсем не входило. Пришлось продолжать изображать из себя глуповатую, наивную мамашу.

– Ой, Наталья Сергеевна, я вас очень прошу, помогите мне! – взмолилась я. – Мне надо на работу выходить, мужа нет, бабушек-дедушек у Наденьки тоже нет, оставить ребенка не с кем! Ну что мне делать? Я ваш садик выбрала, потому что он считается самым лучшим в городе, я даже заплатить готова! Ну пожалуйста!

– Татьяна Александровна, – голос заведующей не смягчился ни на каплю. – У нас государственное учреждение, и взятки мы не принимаем. Постарайтесь сами решить свои проблемы.

– Так я и стараюсь их решать! – Я тоже не думала отступать. – И, если уж на то пошло, я недавно узнала, что Юля Мещерякова пропала из садика! Это правда? Или нет?

Конечно, ход дурацкий – но заместительница заведующей всеми силами старалась выставить меня из своего кабинета, поэтому я пустила в дело все свои козыри. Конечно, предъявив удостоверение частного детектива, Наталье Сергеевне пришлось бы отвечать на мои вопросы. Но где гарантия того, что суровая дама сама не причастна к похищению ребенка? Или не покрывает кого-то из воспитателей? Поэтому говорить о том, что я разыскиваю Юлю, я пока не собиралась.

– Кто вам это сказал? – Наталья Сергеевна ни единым жестом, ни взглядом не показала, что инцидент с исчезновением ребенка вообще происходил в ее детском саду. – У нас все дети находятся под присмотром воспитателей, и за время существования нашего дошкольного

учреждения никто из детей не пропал. Если хотите отдать свою дочку в наш детский сад – становитесь на очередь, если нет – ваше дело. Думаю, наш с вами разговор окончен.

– Хорошо, я поняла! – Я открыла свою сумочку и принялась копошиться в ней. – Продиктуйте мне, пожалуйста, электронный адрес, куда отправлять заявку. Я сейчас найду свой блокнот...

Заведующая оторвала листок для записок, быстро начеркала на нем что-то ручкой и протянула мне.

– Вот, возьмите. На этот адрес отправляйте заявку.

– Спасибо огромное! – Я вскочила со стула, неуклюже уронив свой блокнот, который приготовила для записи. – Ой, простите меня, я такая неловкая...

Продолжая расшаркиваться в порыве благодарности, я вышла из кабинета и затворила за собой дверь. Никого из воспитателей в коридоре не было, поэтому больше мне ни с кем поговорить не удалось. Думаю, повторный визит в детский сад нанесу если не сегодня вечером, то обязательно завтра...

Конечно, я надеялась, что мне удастся поговорить с воспитателями детского садика и получить больше информации, но раз мой первый визит в это дошкольное учреждение не увенчался успехом, в следующий раз у меня будут хотя бы данные со скрытых камер. Я видела, что в садике ведется видеосъемка, поэтому мне придется воспользоваться своими связями, чтобы просмотреть запись, сделанную в день исчезновения Юли. А пока мне нужно попасть к Анне Петровне Мещеряковой и узнать, почему она так недолюбливает невестку и по какой причине была против того, чтобы внучку отдали в детский сад.

Я села в машину, завела мотор. Посмотрела на часы – времени было хоть отбавляй. Отлично, по пути заскочу в какое-нибудь кафе перекусить, ведь утром мой завтрак состоял из пары чашек кофе, толком поесть я не успела.

Во время своего обеда в маленьком, но изысканном ресторанчике я продумала во всех деталях, что я стану говорить Анне Петровне. Начнем с нерадивого племянника, а дальше попытаюсь вывести Мещерякову на откровенность – благо, это я умею делать превосходно.

Я с аппетитом доела большую порцию пиццы, которую здесь готовили просто превосходно, допила крепкий кофе и встала из-за столика, оставив официанту приличные чаевые. То ли на меня так подействовали вкусная еда и бодрящий эспрессо, то ли я просто истосковалась по расследованиям, но чувствовала я себя бодрой и полной энергии. Мне не терпелось поскорее приехать к старшей Мещеряковой – я чувствовала, что матери Павла Олеговича есть что скрывать, и вполне вероятно, мне удастся отыскать ключик к загадочному исчезновению Юли.

До улицы Чайниковской я доехала быстро – пробок еще не было, поэтому на месте оказалась на полчаса раньше, чем мы договаривались. Я припарковала машину и вышла на улицу. На месте Анны Петровны я бы тоже не захотела никуда переезжать – от набережной близко, повсюду пешеходные аллеи, как нельзя лучше подходящие для прогулок. Я увидела даже спортивную площадку с тренажерами – в последнее время в Тарасове стали появляться специально оборудованные зоны для занятия физкультурой. Видимо, власти всерьез озаботились здоровьем горожан, жаль только, еще не ввели специальные дорожки для велосипедистов и места велопарковок, как где-нибудь в Европе. Сомневаюсь, конечно, что такие нововведения быстро приживутся у нас, народ к культуре не привык, не удивлюсь, если через месяц-другой тренажеры сломает местное хулиганье, а столик для тенниса украсит нецензурная надпись...

Дом под номером семнадцать находился буквально в нескольких шагах от спортплощадки. Я понадеялась, что Анна Петровна сейчас у себя, поэтому отыскала нужный подъезд и позвонила в сто пятую квартиру. К моей великой радости, спустя несколько минут я увидела на домофоне соответствующую надпись и услышала уже знакомый мне женский голос:

– Кто это?

– Здравствуйте, мы с вами разговаривали по телефону, я Татьяна Иванова! – быстро проговорила я в трубку. – Немного раньше подъехала...

– Проходите, третий этаж, – лаконично ответила Анна Петровна, и дверь открылась.

Я зашла в подъезд.

Просторный, комфортабельный лифт с неторопливой торжественностью доставил меня на нужный этаж. Толкнув высокую коричневую дверь с табличкой «сто пять», я оказалась в прихожей. В дверях меня никто не встречал, поэтому я сняла свою куртку и повесила ее на вешалку. Коридор был небольшого размера, но чистый и аккуратный. Да, Анна Петровна – хорошая хозяйка, умудряется не только у себя дома чистоту поддерживать, но и помогать сыну с невесткой...

Вскоре я увидела и саму хозяйку квартиры – невысокую женщину, пожилую, но ухоженную. Анна Петровна производила впечатление человека энергичного и бодрого, походка у нее была совсем не как у дамы преклонного возраста. Может, сказалось ее увлечение скандинавской ходьбой и активный образ жизни, а может, сама по себе она была таким человеком, но сразу было видно, что скучать женщина не привыкла. Она не пыталась скрыть свои морщины, тем не менее косметикой пользовалась, да и прическа у нее была стильная, укладка словно только что из салона красоты. И домашняя одежда – не мешковатый халат, а темно-синие брюки и клетчатая свободная рубашка, как будто Анна Петровна и дома следила за тем, как она выглядит. В общем, у меня совсем не было ощущения, что передо мной – безутешная вдова, коротающая свой век в одиночестве. Конечно, мать Мещерякова могла приодеться перед встречей со мной, но посредством простых логических умозаключений я сделала вывод, что женщина всегда носит дома эту рубашку и эти штаны. Судя по всему, я ее сейчас отвлекла от каких-то повседневных дел, ведь мы условились встретиться в пять часов вечера, следовательно, прихорашиваться и переодеваться Анна Петровна стала бы за пятнадцать минут до моего визита. И потом, если бы мать Мещерякова специально подготовилась бы к визиту потенциальной работодательницы, то, скорее всего, она выбрала бы строгую юбку и пиджак, стандартную форму школьных учителей.

Мне хотелось проверить свою догадку и узнать, чем же занималась Анна Петровна, однако сделать этого не получилось. Женщина сухо кивнула мне, внимательно оглядев пронизывающим взглядом серо-голубых глаз, и проговорила:

– Я полагала, что вы все-таки приедете с вашим мальчиком, Колей, если я не ошибаюсь?

– Да-да, все верно, – закивала я на манер китайского болванчика. – Но Коленька очень стеснительный и неразговорчивый мальчик, поэтому я побоялась сразу так его везти к репетитору. И потом, у него есть некоторые особенности, о которых я хотела бы поговорить с вами лично...

– Пройдемте в гостиную, – прервала меня Анна Петровна. – Там говорить удобнее, чем в коридоре.

Она решительно направилась в глубь квартиры, я последовала за ней, не переставая удивляться чистоте и порядку. Сама я не обладаю талантами по хозяйственной части – мне лень и готовить, и убирать, да и вообще считаю это пустой тратой времени. Куда интереснее заниматься расследованиями – такой уж я человек. Тем не менее меня восхищают женщины, которые готовы целыми днями наводить порядок дома, успевая еще и работать, следить за детьми и выполнять уйму дел.

Гостиная оказалась просторной и светлой, с минимальным количеством мебели и декора. У меня возникло ощущение, что я нахожусь не в жилой комнате, а разглядываю картинку из современного журнала дизайна. Даже не верилось, что на этом диване люди отдыхают, за столом пьют кофе или чай, настолько все было чистым. Романы в книжном шкафу, и те были расставлены в алфавитном порядке, в соответствии с фамилиями писателей. Еще и разделены по жанрам – классика занимала две верхние полки, далее шли сентиментальные романы, био-

графии выдающихся людей, и стихи также занимали свои места. Ей-богу, настоящая библиотека...

Анна Петровна заметила мой интерес к книжному шкафу и восприняла это по-своему. Впервые за все время она понимающе улыбнулась и проговорила:

– Тоже любите читать? У меня это страсть с детства. Помню, в школе все свободное время проводила за книгой, и родители всерьез полагали, что я стану филологом.

– Но все же выбрали математику? – улыбнулась я в ответ, обрадовавшись, что, похоже, лед тронулся и мать Мещерякова готова поддерживать диалог.

– Да, это еще одно мое увлечение, которое в итоге стало делом всей жизни, – кивнула Анна Петровна. – И могу сказать, точные науки как нельзя лучше тренируют мозг и способствуют хорошей памяти и трезвому мышлению. Чем дольше человек развивает свой ум и свое тело, тем дольше он остается молодым и здоровым.

– Весьма справедливое утверждение, – заметила я. – Вы выглядите очень стильно и, не побоюсь этого слова, современно! Хотя мне говорили, что вы преподаете в школе около сорока лет, и я полагала, что увижу пожилую учительницу. А теперь мне кажется, что произошла ошибка, ни за что не поверю, что вы столько лет работаете в школе!

– Работала, – поправила меня женщина. – И не сорок лет, а сорок три года, вы немного сократили мой трудовой стаж!

Про сорок лет я, естественно, сказала наобум, точнее, подсчитала – Павел Олегович говорил, что матери за шестьдесят лет, а если она пошла работать в школу после института, то выходило, что преподавала она плюс-минус сорок лет. Но мой комплимент пришелся Анне Петровне по вкусу, и я поняла, что начало душевной беседы положено.

– Присаживайтесь! – женщина кивнула в сторону кресла, из одного комплекта с диваном, и я последовала приглашению, опустившись на мягкое сиденье.

Сама хозяйка квартиры села напротив меня и проговорила:

– Ну, рассказывайте про своего племянника! Чем он у вас такой особенный, какие-то нарушения в развитии?

– Нет-нет, что вы! Коленька – очень умный мальчик, рассудительный и послушный! – пропела я дифирамбы несуществующему ребенку. – Я бы сказала, даже слишком послушный и привязанный к своей матери. Но дело в том, что он совершенно не приспособлен к жизни. У моей сестры временные трудности, поэтому Коленька сейчас живет со мной, а я вижу, что ему не даются алгебра с геометрией. Его мать, понимаете ли, хочет, чтобы Коля окончил школу с медалью, а математика – его слабое место. Ни о чем, кроме учебы, мальчик не думает, друзей у него нет. Он по складу ума гуманитарий, больше всего любит книги читать. Вот и хочу помочь ребенку, чтоб с математикой у него проще было.

– Но почему тогда вы вместе не приехали? – удивилась Анна Петровна. – Я ж не зверь какой-то, познакомились бы с вашим племянником и, может быть, сразу бы заниматься начали.

– Тут такое дело... – Я сделала паузу, как будто подыскивала слова. – Коля – очень ранний ребенок, он боится что-то сделать не так. А если я его повезу к репетитору, мальчик решит, что он плохо учится, и в результате замкнется в себе. Хотя он и так очень неразговорчивый, к нему подход нужен. Понимаете, у меня у самой маленькая дочка, и я понимаю, что каждый ребенок – индивидуальность, тут надо очень постараться, чтоб не травмировать детскую психику. Вы простите меня за нескромный вопрос, но у вас есть дети?

Анна Петровна не посчитала мой вопрос нетактичным, сразу кивнула.

– Да, конечно. Только у меня уже взрослый сын, у него своя семья.

– Ну вот! – воскликнула я. – Вы наверняка знаете, что воспитывать детей – задача непростая. Вот я свою Наденьку побаиваюсь даже в детский сад отдавать, хотя сама работаю. Но с ней моя мама сидит, я почему-то детским садам не доверяю...

Анна Петровна понимающе вздохнула.

– Как же я вас понимаю, Танечка! – покачала она головой. – Я тоже не люблю детские сады, я имею в виду, современные. Детей там хорошему не научат. Вот в наше время все по-другому было, а сейчас... Воспитатели неопытные, ничего не умеют и не знают, набирают сброд какой-то. У меня внучка, Юленька, в детский садик ходит, хотя я против была. Но разве кто послушает старуху?.. Сын с невесткой все сами решили, и вот, пожалуйста...

– Ну какая же вы старуха? – я изобразила искреннее изумление. – Вы очень спортивная женщина, сразу видно – следите за собой, да и опыт у вас в работе с детьми!

– Вот только об этом сын не думает! – в сердцах воскликнула Анна Петровна. – Что заметно постороннему человеку, того родные дети никогда не видят. Сын-то у меня хороший, а вот у жenuшки его ветер в голове. Сама, вместо того чтобы дочку воспитывать, в салон красоты устроилась работать! Я бы поняла, будь семья нищая – там, конечно, и мать, и отец работать должны. Но Паша-то мой хорошо зарабатывает, и я сама предлагала с Юленькой сидеть, ведь с детьми очень хорошо лажу. Вы бы знали, какие у меня ученики были – страшно подумать, с какими разгильдяями работала! И, могу сказать, во многом благодаря мне они нормальными людьми стали! А вот за сыном-то недоглядела... И чего он в этой провинциалке нашел, ума не приложу...

– Ой, я больше всего боюсь, что Коленку окрутит какая-нибудь наглая девица – он же такой стеснительный! – подлила я масла в огонь. – Хотя ему всего тринадцать лет, но время быстро летит, оглянуться не успеешь, как старшие классы, институт... А девки сейчас ушлые, увидят – серьезный парень, и все, пиши пропало...

– Вот и Паша мой тоже всегда серьезным мальчиком был, – снова заохала Анна Петровна. – Я-то надеялась, что он на Настеньке женится, они со школы дружили. Такая девочка правильная – и хозяйственная, и умная, и красавица! Я так радовалась, когда она к нам в гости приходила, и Паша вроде как за ней ухаживал! Но откуда эта Оля взялась – непонятно, и все кувыркoм пошло. Вы себе представить не можете, какая она безалаберная! Дома – кавардак, готовить не умеет, даже институт окончить ума не хватило! Ну конечно, какая там учеба – на уме только замуж поудачнее выскочить, и все тут. Нет, я бы все поняла, если б она хоть домом да ребенком занималась. Но я не понимаю, что Оля за человек такой – она ведь пустышка, и только! Ну что Паша в ней нашел – не красавица, не умница, да еще и не из Тарасова... Если б не ребенок, я бы заставила сына бросить эту мымру!

– Ужас какой! – сочувственно произнесла я. – Но почему же ваш сын не женился на Насте? Они вместе учились, как вы говорили?

– Да, – кивнула Анна Петровна.

Женщина и думать забыла про моего якобы племянника – похоже, у нее накопилось на душе, и она выплескивала наболевшее незнакомому человеку. Эффект попутчика, так это явление называется у психологов. Суть его в том, что в поезде человек рассказывает незнакомому соседу самые интимные подробности своей личной жизни, даже такие, о которых не поведаешь самому близкому родственнику. Я без зазрения совести частенько прибегала к этой уловке, дабы разговорить собеседника. Надо только убедить человека в том, что у меня самой подобная проблема, и дальше все пойдет как по маслу – только сиди, внимательно слушай да изредка вставляй соответствующие реплики.

– Они ведь с Настей с пятого класса дружили! – вешала бывшая учительница. – Павлик учился в моем классе, я у них классным руководителем была. Настя перешла к нам из другой школы – родители переехали, вот девочку и пришлось перевести... Как сейчас помню – такой милый ребенок, с косичками, бантиками белыми, по всем предметам лучше всех успевала. Паша ее всегда до дома провожал – мы ведь всегда в этой квартире жили, а Настенька – в соседнем доме с нами. Она до сих пор тут живет, с родителями... И в старших классах Паша за ней ухаживал, цветы дарил, а она к нам в гости приходила. Готовить мне помогала – она с детства очень самостоятельной была, мама с папой работали, а Настенька сама и суп сварит,

и в доме уберется, и уроки все выучит. А рисовала она как замечательно! Вот, подождите... – Анна Петровна встала с кресла и подошла к книжному шкафу. Выдвинула нижний ящик и достала школьный альбом для рисования.

– Посмотрите, она мне на день рождения подарила! – женщина открыла первую страницу альбома, и я увидела рисунок, выполненный красками. Красивый букет из роз в светло-голубой вазе и надпись – «Любимой учительнице в день рождения!». В живописи я особо не разбираюсь, сама рисовать никогда не умела, но мне картинка показалась красивой. Сама бы я точно так не смогла, ни в детстве, ни сейчас.

– А ведь Настеньке было тогда всего двенадцать лет! – восхищенно воскликнула Анна Петровна. – Я-то еще тогда все думала – вот было бы здорово, если бы дети выросли и поженились, семью бы создали... Паша точно был бы счастлив с такой женой! А вон видите, как все получилось...

– Но раз Павел был влюблен в Настю, почему он женился на Оле? – удивилась я.

Анна Петровна пожала плечами.

– Да кто ж его разберет-то? Я сама не поняла, когда он встретил эту проходимку... Понимаете, у меня горе было, семейное, я тогда вообще за сыном не следила. Да и переехал он от нас с Олегом, царствие ему небесное... Работал, меня поддерживал, как мог, а потом – ни с того, ни с сего: «Мама, я женюсь» Я-то решила, что на Насте, а тут – на тебе, Оля... Я хотела отношения с ней наладить, говорю Павлику: «Пригласи свою невесту, хоть познакомлюсь». Ну и привел он ее – ни кожи ни рожи, как в народе говорят. Недалекая, страшная, криворукая... Ну почему он ее-то выбрал, а не Настю? И еще выясняется – девица вдобавок беременная. Скорее всего, Паша из-за этого на ней и женился, хотя до сих пор клянется мне, что любит ее...

– Сердцу не прикажешь, – вздохнула я. – А Настя, она-то замуж вышла?

– Нет, – покачала головой моя собеседница. – Правду говорят, не родись красивой, а родись счастливой. Я с ней иногда вижусь – она ведь считай моя соседка... Работает на двух работах, иногда на заказ портреты рисует, родителям помогает, но увы. Ни мужа, ни детей у нее нет, и мне кажется, я знаю почему.

– Почему? – эхом повторила я.

– Да потому, что она Пашу до сих пор любит! – воскликнула Анна Петровна. – Она скромная очень, вот и не стала счастьем моего сына мешать. Хотя какое там счастье, благо, хоть дочка у Паши хорошая. Юлечка, милый ребенок. Я очень надеюсь, что в Пашу внешнестью пойдет, а то Оля та еще страхолюдина. Вот только из-за внучки эту девку и терплю. Не поверите, но я из кожи вон лезу, чтобы отношения с невесткой наладить – приезжаю два раза в неделю по хозяйству помогать, с готовкой, уборкой... Представляете, они ведь едят в кафе всяких, домашней еды в доме нет! Да это уму непостижимо, как молодая мать и жена может так себя вести! А ребенка чем кормят? Покупными смесями! И кто знает, что в эти смеси добавляют! Вдруг Юлечка после такого вырастет с какими-нибудь болячками? Настоящая мать должна сначала ребенка грудью кормить, а потом ему каши варить, а не травить всякой гадостью. А Оля, представляете, заявила, что будет Юлю покупным кормить, чтобы фигуру не портить. Ага, была бы она, эта фигура! Тошная селедка, и только! Вот честно скажу, если бы сын так не возражал, я бы каждый день приезжала к ним, хоть Юлечку домашней кашей кормила бы... Но Паша уперся – возражает, если я больше двух раз в неделю к ним навещаюсь. Потому и стараюсь бывать у сына по выходным, ну и среди недели – в четверг или в среду... Эх, если бы удалось внучку к себе забрать...

– А почему вы не предложите это сыну? – спросила я. – Объясните, что ребенку лучше будет с вами, чем в садике!

– Да пробовала я... Вот только сын так не считает. Я собираюсь к ним на этой неделе приехать, снова насчет Юленьки поговорить. Правда, не верю я, что у меня получится...

Значит, Анна Петровна не знает о том, что ребенок пропал, подумала я про себя. Или умело прикидывается, что не знает. Хотя девочки в квартире матери Мещерякова точно нет – я бы услышала какую-нибудь возню из соседних комнат. Не накачала ж Анна Петровна Юлю снотворным, в самом деле. Женщина не похожа на изверга, но все же не мешало проверить ее. Пока у меня нет конкретных фактов, указывающих на похитителя Юли, я подозреваю абсолютно всех людей, так или иначе причастных к этой истории.

– Да уж... – сочувственно покачала я головой. – Вам не позавидуешь...

– Ой, вы меня простите! – внезапно спохватилась Анна Петровна. – Я совсем что-то заболтала вас. Вы же ко мне пришли договориться по поводу уроков для вашего племянника, а я вам свои проблемы вываливаю... Сама не знаю, что на меня нашло... Обычно я никогда так не откровенничаю, тем более с едва знакомыми людьми...

– Ничего страшного! – заверила я женщину. – Даже не переживайте, ведь у меня самой подобные проблемы... скоро будут.

– Так что насчет Коли? Помимо того, что он очень стеснительный и замкнутый? – внимательно посмотрела на меня Анна Петровна.

Я поняла, что откровенный разговор закончен, придется возвращаться к моей легенде, и вдохновенно продолжила свою выдуманную историю:

– Я хочу, чтобы ваши уроки не выглядели, как занятия по предмету, с которым Коленька не может справиться самостоятельно. Понимаете, мне нужно, чтобы мальчик сам заинтересовался математикой, захотел изучать эту науку... Ну вроде как углубился в нее, что ли... И тогда я бы ему рассказала про вас, понимаете? И не было бы никаких проблем, вроде как он сам захотел заниматься, а не я его заставила, потому что он не понимает всю эту алгебру с геометрией...

– Ну, это вам самим нужно как-то заинтересовать Колю, – заметила Анна Петровна. – Тут-то я вам как помогу?

– Может, дадите какой-нибудь совет мне? Как лучше все это сделать?

– Попробуйте сказать племяннику, что я – ваша давняя знакомая. Приезжайте в гости, а там я поговорю с ребенком, расскажу ему разные интересные вещи из математической науки. Вот ему и станет интересно, – предложила Анна Петровна.

– Это гениальная идея! – восторженно заявила я. – Не поверите, сама думала о чем-то подобном, но боялась, что вы станете возражать и ничего не получится...

– Да отчего же? – искренне удивилась моя собеседница. – Что уж, я не помогу хорошему человеку? Тем более сейчас у меня много свободного времени, в школе я не работаю. Живу, как говорится, для себя – сыну-то я не больно нужна, он ведь взрослым себя считает, самостоятельным. Раньше хоть звонил матери, узнавал, как дела, а сейчас...

Видимо, обида на сына у Анны Петровны очень сильная, отметила я про себя. Вслух же радостно воскликнула:

– Вас мне сам Господь Бог послал! Не поверите, как я вам благодарна! Да, и еще... Вот вы про Настю рассказывали, а знаете, вы ведь мне еще и в этом здорово помогли!

– Что-то не совсем понимаю... – растерялась женщина.

– Дело в том, что моя мечта – это чтоб нас с дочкой нарисовал художник! Представляете, настоящий портрет, маслом! Я бы его в комнате повесила и любовалась бы, а потом, как Наденька моя вырастет, вспоминала бы ее в детстве... Портрет – это же не фотография, он с душой выполнен, память на долгие годы! Вот только художника я пока не нашла, мне все не нравится... Когда вы про Настю сказали, что она портреты рисует на заказ, я сразу подумала – а вдруг это судьба? Вдруг именно Настя – та художница, которая сможет нарисовать так, как я хочу?

– Ну, это вам надо самой с ней поговорить, – пожала плечами Анна Петровна. – Настя – хороший мастер, но сперва вы с ней пообщайтесь, работы ее посмотрите.

– А как мне можно ее найти? – допытывалась я. – Может, у нее есть своя страничка в социальных сетях или сайт?

– Чего не знаю, того не знаю, я не слишком разбираюсь во всех этих современных штуках, – покачала головой бывшая учительница. – Не подумайте ничего дурного, я не старая бабулька, которая пользуется голубиной почтой. Мне просто это неинтересно, я считаю, что общение должно быть не виртуальное, а настоящее, поэтому мне нет надобности заводить свою страницу в Сети. Интернетом я порой пользуюсь, но это бывает не часто и по необходимости... Да и зачем вам Настин сайт? Она же в двух шагах от меня живет, вы можете ей позвонить по телефону, номер я дам, и договориться о встрече!

– Это было бы просто замечательно! – я с готовностью достала блокнот из сумки, чтобы записать координаты первой любви Павла Олеговича.

Анна Петровна продиктовала мне номер телефона и адрес Насти, потом добавила:

– Фамилия Насти – Юманова, это вам на всякий случай. Поищите в интернете, наверняка у нее есть какой-нибудь свой сайт, но точно я не знаю. Если вам действительно нужно посмотреть ее работы.

– Очень, очень нужно! – заверила я женщину. – Да, и важный для меня вопрос. Сколько стоят занятия по математике? Я как-то сразу не узнала...

– Семьсот рублей за сорок пять минут, – отозвалась Анна Петровна. – Это по нынешним меркам считай забесплатно, но если для вас дорого...

– Нет-нет, цена меня полностью устраивает! – быстро проговорила я. – Значит, я попробую поговорить с Колей и, если что, обязательно позвоню вам!

Мы попрощались, я еще раз поблагодарила Анну Петровну, и расстались мы едва ли не лучшими подругами. Я вышла на улицу, быстро прошла до своей машины и только там внимательно посмотрела на адрес Насти Юмановой. Если Настя – бывшая одноклассница Павла Олеговича, то, выходит, ей около тридцати пяти лет. Да, в этом возрасте обычно женщины уже заводят семью, растят детей... Конечно, встречаются дамы-карьеристки, для которых на первом месте – работа, но, насколько я могла судить по рассказу Анны Петровны, Настя к таким женщинам не относилась. Красавица, умница, с детства влюбленная в Мещерякова... Странно, что она не попыталась бороться за свое счастье – спокойно отпустила Павла Олеговича к другой. Все ради счастья любимого? Вот что хотите говорите, но я ни за что не поверю, что встречаются такие альтруисты, которые прежде всего думают не о себе, а о счастье других людей. Тем более это касается женщин – ведь они всеми силами стараются женить на себе понравившегося мужчину, считая, что с другой дамой возлюбленный будет несчастным. Возможно, Настя – это редкое исключение, но проверить ее не мешает.

Я набрала номер Насти Юмановой и принялась дожидаться ответа. Спустя некоторое время трубку взяли – я услышала немного усталый женский голос.

– Да, слушаю вас, – моя собеседница воздержалась от приветствий.

– Добрый вечер, – начала я беседу. – Скажите, могу я услышать Настю Юманову? Мне правильно дали номер телефона?

– Все верно, – все с той же усталостью подтвердила женщина. – Вы по какому вопросу?

– Меня зовут Татьяна, и я хотела бы у вас заказать портрет. Вы ведь рисуете на заказ?

– Да, я пишу портреты, – по-прежнему без намеков на какие бы то ни было эмоции ответила Настя. – Вы графику хотите или живопись?

– Даже не знаю... – протянула я. – А вы что мне посоветуете?

– Все зависит от ваших пожеланий. Как я могу решить за заказчика, что ему больше понравится? Вам нужно решить, хотите вы черно-белый портрет или в цвете.

– Мне и так, и так нравится, – заявила я. – Но лучше бы взгляд профессионала со стороны. Настя, а мы можем с вами встретиться лично? Я в живописи не разбираюсь, но портрет очень хочется!

– Если вас устроит встретиться сегодня вечером, то можно, – немного подумав, отозвалась моя собеседница. – Я освобождаюсь в шесть вечера, если хотите, могу предложить посидеть в каком-нибудь кафе.

– А в каком? – поинтересовалась я. – Я живу в районе набережной, может, знаете, на улице Чайниковской?

– Ой, да мы с вами почти соседи! – удивилась Настя. – Не поверите, но я живу тоже на улице Чайниковской! В принципе, мы тогда можем встретиться у меня дома, я вам покажу каталог своих работ. С собой сегодня не взяла его, а с телефона смотреть мелко...

– Было бы просто замечательно! – воскликнула я. – Тогда скажите, пожалуйста, куда мне подойти и в какое время?

– Давайте в половине седьмого, – предложила женщина и продиктовала мне уже знакомый адрес. Мы попрощались, Настя положила трубку.

Я посмотрела на часы мобильного телефона. До нашей встречи оставалось чуть меньше часа...

Глава 3

В двадцать минут седьмого я подошла к дому, где проживала Настя Юманова. Я пристально наблюдала за ее подъездом из своей машины, но пока к дому не подошла ни одна молодая женщина, коей должна быть первая любовь Мещерякова. Я видела только фотографию Насти, сделанную много лет назад, когда она училась в школе. Пока ждала Юманову, попыталась найти художницу в социальных сетях, но мои поиски не увенчались успехом. В городе Тарасове проживало несколько Юмановых, но одна из них была пожилой теткой и звалась Вероникой, а две Анастасии Юмановы еще учились в средней школе. Скорее всего, нужная мне женщина зарегистрировалась в социальной сети под другим именем и фамилией, а может, взяла себе творческий псевдоним, что вероятнее всего.

Я бестолково топталась у подъезда почти пятнадцать минут. Наконец издалека увидела высокую женскую фигуру в темно-синем пальто и серой шапочке, торопливо направляющуюся к дому, возле которого я ожидала. Интуиция меня не подвела – женщина поравнялась со мной и с улыбкой проговорила:

– Здравствуйте, вы случайно не по поводу портрета?

– Да, я жду Настю Юманову! – сообщила я, разглядывая молодую женщину.

Анна Петровна была права – бывшая подруга ее сына и впрямь могла похвастаться прекрасными внешними данными. Стройная и высокая, с правильными чертами лица и огромными темно-кариими глазами, обрамленными густыми ресницами, – девушка казалась сошедшей с обложки гламурного журнала. Удивительно, как с такой внешностью Настя не подалась в модели, я готова поспорить на что угодно, у нее сложилась бы головокружительная карьера!

– Идите за мной, – пригласила меня молодая женщина. На вид я бы не дала ей больше двадцати пяти лет, не думала, что Настя так юно выглядит.

Мы вошли в подъезд и поднялись по лестнице на первый этаж. Настя достала ключи и открыла дверь, вошла первой, я последовала за ней. Странно, Анна Петровна говорила, что Юманова живет с родителями, но в квартире никого не было. Хотя сейчас уже вечер, отец с матерью Насти должны быть уже дома, смотреть телевизор или хлопотать по хозяйству...

– Вы одна живете? – поинтересовалась я.

Настя отрицательно покачала головой.

– Нет, с родителями. Но сейчас они уехали в санаторий, у мамы проблемы со здоровьем, а папа не захотел ее отпускать одну. Снимайте куртку, вот сюда можно повесить...

Вслед за хозяйкой квартиры я сняла верхнюю одежду и обувь, и Настя пригласила меня на кухню.

– Вы хотите чаю? – поинтересовалась она.

Я кивнула:

– Не откажусь, спасибо! На улице как-то резко похолодало...

Квартира, в которой проживала Настя с родителями, была небольшой и совсем не походила на безукоризненно убранные апартаменты Анны Петровны Мещеряковой. Создавалось ощущение, что вещей в этом доме больше, чем позволяют размеры жилплощади, и хозяевам квартиры попросту некуда их убрать. На кухне – куча шкафчиков, слишком большой стол соседствует с раковиной и плитой, на тумбочке едва умещаются мультиварка, микроволновка и электрический чайник. Стены украшают разнообразные пейзажи и натюрморты с овощами и фруктами – видимо, творения Анастасии. Но я бы не стала столь близко располагать картины – возникало стойкое ощущение, что в кухне не хватает воздуха, аж в глазах рябило от обилия деталей. Удивительно, как в таком тесном помещении могут находиться три человека. На мой взгляд, и одному-то здесь жить некомфортно. Как, например, Настя умудряется что-то готовить на кухне, когда между обеденным и кухонным столами такой узкий проход? А обедают

они как, куда ставят стулья? Сейчас на кухне находилось только два табурета, поставь сюда еще один стул, и попросту невозможно будет пройти к холодильнику...

– Как у вас мило! – заметила я, сделав вид, что разглядываю картины. – Это вы рисовали?

– Да, мои ученические работы, – улыбнулась Настя, ловко просочившись к плите, дабы поставить чайник. Странно, на кухне есть электрический, почему она пользуется обычным? Электроэнергию экономит, что ли?

– Все никак стол не успеваю сложить, – в ответ на мои размышления по поводу тесноты кухни проговорила она. – Мы его раскладываем только по праздникам, а убирать как-то всем лень. Вы уж извините за беспорядок, я с этими работами совершенно ничего не успеваю по дому делать... Вы какой чай предпочитаете, черный или зеленый?

– Мне абсолютно без разницы, я пью любой! – заверила я гостеприимную хозяйку. – А вы художником работаете?

– Нет, что вы! – покачала она головой. – Какое там... В наши дни заработать на искусстве практически невозможно. Живопись – это моя подработка, приятный бонус, так сказать. Основная моя работа – преподавание рисования в школе и в художественной студии.

– Как интересно! – заметила я. – Наверно, творческая работа?

– Раньше так казалось, – вздохнула Настя. – А сейчас – совсем наоборот. Изо дня в день одно и то же, школьники, взрослые... Но хорошо, что хоть такая работа есть. Я раньше вообще официанткой работала, уставала неимоверно, весь день на ногах. Еще и клиенты попадаются не шибко вежливые... Ладно, это все в прошлом, одно могу сказать, мне работы в ресторане хватило по горло.

– Да, трудно, должно быть... – согласно кивнула я. – Зато вы можете детей учить, своего ребенка, наверное, тоже учите?

– Нет, у меня нет детей, – покачала головой девушка. – С этим пока не сложилось... Вам сколько сахара?

– Мне, пожалуйста, без сахара, – попросила я, про себя раздумывая, как бы мне полвечее вывернуть нашу беседу на интересующую меня тему. – А у меня вот дочка маленькая есть, зато мужа нет. Представляете, как вышло – дружили с ним еще со школы, потом встречались, я забеременела... А он взял и к другой ушел. Обидно до слез было...

– Какой непорядочный человек! – посочувствовала мне Настя. – Но алименты хоть платит?

– Нет, – уныло покачала я головой. – Сама дочку содержу. Но она у меня такая красавица, живу ради нее!

– Вы, наверно, хотите, чтоб я вашу девочку нарисовала? – улыбнулась Настя. – Сколько ей?

– Да маленькая еще, три года, – про себя я подумала, что моя попытка номер один провалилась. Я-то думала, что если рассказать Насте историю, аналогичную ее собственной, то есть про мужа, женившегося на другой, девушка со мной разоткровенничается. Но Анастасия упорно не желала распространяться со мной на интимные темы. Ну ничего, я и не таких раскалывала...

– Скажите, а вы рисуете портреты, где изображено два человека? – полюбопытствовала я. – Хочу, чтоб вы изобразили меня с дочкой!

– Без проблем, – спокойно отозвалась та. – У вас фотография есть?

– Фотография? – я широко распахнула глаза, выказывая самое искреннее изумление. – Но... я думала, что вы будете нас с натуры рисовать!

– Я могу и с натуры, – пожалала плечами Настя. – Но сейчас мало кто согласится позировать художнику в течение шести часов. Тем более что за один раз я не смогу написать или нарисовать двойной портрет, потребуется несколько сеансов. Если у вас есть время и желание

и вы сможете привести ко мне ребенка – то пожалуйста. Только сомневаюсь, что трехлетняя девочка сможет посидеть неподвижно даже десять минут.

– Это верно... – задумалась я. – А как же раньше художники рисовали? Когда фотографии не было?

– С натуры и по памяти, по-другому никак, – заметила девушка. – Я бы советовала вам принести фотографию, так будет удобнее. Но если хотите с натуры – воля ваша.

– Скажите, а можно посмотреть ваши работы? – спросила я. – Не пейзажи, а портреты? Я ведь еще не решила, какой портрет хочу – красками или карандашом...

– Конечно-конечно, сейчас я принесу каталог... – Настя налила кипяток в две чашки, одну поставила передо мной. – Подождите минуту...

Она вышла из кухни, с удивительной грацией обойдя стол и многочисленные шкафчики да тумбочки. Я размешала ложкой заварку в чае и сделала глоток горячей жидкости. Тем временем Настя уже вернулась – в руках она держала большой фотоальбом.

– Вот каталог моих работ, – она положила альбом на стол. – Многие портреты, да почти все, сделаны на заказ, за редким исключением. Материалы самые разные, поэтому смотрите, выбирайте, что вам по душе.

Я открыла первую страницу каталога. С фотографии на меня смотрела улыбающаяся молодая блондинка с ярко-голубыми глазами, одетая в розовую кофточку. По фону я догадалась, что это – снимок картины, однако лицо было не отличить от обычной фотографии. Я удивленно посмотрела на Настю.

– Это что – ваша картина? – изумилась я. Девушка кивнула.

– Не похоже? – поинтересовалась она.

Я покачала головой.

– Я думала, что это фото... Не скажешь, что картина, вы поймите правильно – я просто не представляю, как так можно нарисовать!

– Вы, наверно, не видели работы Шилова? – спросила Настя. – Думаю, что нет. Так вот, когда я была в его художественной галерее, то не сразу поняла, что это висят картины. От фотографий не отличишь. Тоже поразились тогда – рисуют же люди! Я-то привыкла, что живопись – это смелые мазки, игра цвета, буйство красок... А тут – настоящие люди, и все! Но знаете, походив по залам, я уже перестала так удивляться. Ну картины, ну люди – как-то скучно стало. Нет ни намека на собственный взгляд художника. Они точно фотографии, эти портреты. То же самое можно сделать, если сделать снимок и распечатать его на холсте. Честно говоря, я не считаю это искусством, хотя Шилов – гениальный художник.

– Но... но вы же тоже рисуете так, как будто фотографию делаете! – заметила я.

– Увы, – вздохнула Настя. – Я это делаю для заказчиков. Сами посудите, кто захочет увидеть себя в стиле авангардистских художников? С зелеными тенями под глазами и красными пятнами на лбу? Конечно же, люди хотят получить реалистичный портрет, никого не интересует, как видит натуру сам художник!

– Ну, пятна на лбу – это перебор, – я пожала плечами. – Мне тоже не хочется, чтобы вы нарисовали меня с пятнами...

– Вот видите! – улыбнулась художница. – Я выполняю лишь то, что требует от меня заказчик, не более. Буду очень удивлена, если кто-то попросит меня нарисовать портрет так, как хочу я. Такое разве что в книжках бывает!

Я листала каталог, вглядываясь в портреты-фотографии. Настя оказалась права – просмотрев несколько работ, я уже перестала восхищаться мастерством художницы. Создавалось впечатление, что я попросту разглядываю чей-то семейный фотоальбом с огромным количеством родственников и знакомых. Однако я продемонстрировала искренний восторг при взгляде на каждую работу Анастасии.

Перевернув очередную страницу, я внезапно увидела совершенно другой стиль работы. На фотографию изображение совершенно не походило – оно было выполнено черным карандашом, как-то небрежно, будто Настя выполняла быстрый набросок. Но я сразу узнала это худое лицо, его черты были мне очень знакомы, и я догадалась, кого изобразила художница.

– А это тоже на заказ? – удивилась я.

Юманова отрицательно покачала головой.

– Нет, это так. Для себя. Человек, которого я здесь нарисовала, не знает об этом портрете.

– Мне кажется, что в этом рисунке чувствуется больше души, – заметила я. – Как будто... Как будто этот человек вам очень дорог. Скажите, это ваш родственник? Может, жених или муж?

– Нет, у меня нет ни мужа, ни жениха, – немного грустно возразила Настя. – Но вы правы. Этот человек долгое время был мне очень дорог. Не думаю, что вам будет интересна эта история.

– Как раз наоборот! – живо заверила я девушку. – Вот смотрите, по картине ведь можно рассказать о настроении художника? Предыдущие портреты, они и правда какие-то слишком парадные. А этот – в нем есть особая жизнь. Какая-то история, тайна! Ведь правда?

– Правда, – нехотя кивнула головой моя собеседница.

Я продолжала:

– Наверно, я ошибусь, но если что, не обижайтесь, хорошо? Мне кажется, что этот человек любит вас и вы тоже к нему равнодушны. Но по портрету видно, что, когда вы рисовали, вам было грустно. Может, вы вынуждены были расстаться с ним и нарисовали портрет по памяти?

– Мне не очень хочется говорить об этом, – начала Настя. – Но ладно, дело прошлое. Да, вы правы, раньше мы были очень близки с этим мужчиной. Я знала его с детства, учились мы вместе. Потом встречались. Хотели пожениться. А потом он женился. Но не на мне, а на другой женщине.

– Простите... – сочувственно пробормотала я, еще раз рассматривая портрет Мещерякова. – Но... у меня ведь подобная ситуация. Правда, от моего бывшего молодого человека у меня осталась дочь... С вами тоже подло поступили, ведь так?

– Нет, почему подло? – пожала плечами Настя. – Павел, так зовут этого мужчину, женился на другой. В принципе, любой порядочный человек на его месте поступил бы так же. Точнее, он мне изменил, это да. Но девушка, с которой... на которой он женился, была беременной. Я не стала им мешать – не хочу, чтоб из-за меня были несчастны другие люди. Мы спокойно поговорили с Павлом и расстались. Думаю, что у него все хорошо, и он счастлив с той... с другой. И с их ребенком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.